

Текст · 10 мая 2023, 17:25

Елизавета Нестерова,

Огонь на асфальте. Многодетного отца Виталия Кольцова, который бросил два коктейля Молотова, обвиняют в покушении на убийство 12 омоновцев

Миролюбивый и беззлобный человек

Вечером 2 мая **появились** кадры автозаков, подожженных на площади Революции в Москве. Уже на следующий день стало **известно**, что бутылки с зажигательной смесью бросил Виталий Кольцов — его задержали на месте. Он был в костюме и галстук; в чемодане, в котором он принес на площадь бутылки, лежали только спички и телефон.

46-летний Кольцов — выпускник философского факультета РГГУ, реконструктор, создатель квестов для детей и взрослых. У него трое детей: старшему десять лет, среднему шесть, а младшему сейчас нет и двух лет — на момент ареста отца ему было девять месяцев.

«Для тех, кто знает Виталика, это все звучит как абсолютное безумие. Он тихий, милый, скромный и спокойный человек. Настоящий русский интеллигент скорее из 19 века. Закончил философский факультет, увлекался много лет ролевыми и интеллектуальными играми», — **написал** тогда в фейсбуке давний знакомый Кольцова Илья Бер.

В разговоре с «Медиазоной» активист Алексей Миняйло вспоминает, что много лет дружит с Виталием и знает его «как человека миролюбивого и беззлобного». Незадолго до ареста Миняйло даже стал крестным его младшему сыну. По его словам, вскоре после начала войны Кольцов обращался к нему с вопросом, «что можно сделать». «Команда, частью которой был я, вела несколько проектов, и я весь был погружен в них и не смог ему предложить никакой осмысленной деятельности», — говорит Миняйло.

После задержания Кольцова друзья и знакомые создали петицию за его освобождение и объявили сбор средств для помощи семье. «Я не знаю, бросал Виталик эти бутылки или не бросал, а если бросал, то что это — высказывание или жест отчаяния. Все, что я знаю, — это что мой старый друг находится в ИВС, ему грозит до 20 лет лишения свободы, у него жена Ира и трое детей, младшего из которых мы крестили 16 января. Остались вот без кормильца», — писал Алексей Миняйло в своем телеграм-канале.

Арест. «Я не знал, что внутри кто-то находится»

«Я не планировал убить сотрудника, планировал нанести ущерб транспортному средству. Я не знал, что внутри кто-то находится, и предполагал, что автозак быстро потушат, а сотрудники быстро смогут выйти из него. Сама статья не совсем верна, но очевидно, что я совершил преступление», — говорил Виталий Кольцов вечером 4 мая 2022 года в Хамовническом суде Москвы, когда следователь попросил отправить его в СИЗО.

На то заседание его жена Ирина пришла с младшим сыном. Она и Виталий женаты 15 лет, и он «принимает активное участие в воспитании детей». Вместе с адвокатом Аланом Гамазовым Ирина просила суд не отправлять мужа в СИЗО, а отпустить под домашний арест.

Адвокат Гамазов предлагал также квартиру Кольцовых в качестве залога: «Мы просили домашний арест, у него есть квартира в Москве. Также был предложен залог в виде этой квартиры: он единственный собственник, ее стоимость более 10 миллионов рублей».

Судья отправил Кольцова в СИЗО, там он провел уже больше года.

Обвинение в убийстве. «Собрал бензиновую бомбу и пришел на площадь»

Виталий Кольцов попросил о суде присяжных. Сегодня коллегия, состоящая из десяти мужчин и четырех женщин, начал рассматривать его дело. Сам Кольцов из «аквариума» сказал, что присяжные — «его единственная надежда, что приговор не будет решен заранее».

Несмотря на то, что Кольцов обвиняется в покушении на убийство 12 силовиков, в зале на первом заседании присутствовали только четверо сотрудников ОМОН, которых следствие признало потерпевшими: командир взвода Виктор Дубанский, снайпер Дмитрий Кузнецов, заместитель командующего взводом Юрий Ракустов и водитель Владимир Сидоров.

Гособвинение представляет прокурор Эльвира Зотчик, она же выступала в суде по делу фигуранта «московского дела» Кирилла Жукова и была одним из обвинителей по делу журналиста Ивана Сафронова. Перед прениями она предлагала Сафронову признать вину в обмен на срок в 12 лет лишения свободы, но журналист отказался. В итоге обвинение запросило для него 24 года колонии строгого режима.

Еще до того как в зал пригласили присяжных, Юрий Ракустов просил «от лица всех потерпевших в связи со спецификой нашей работы в целях безопасности наших семей и нас» закрыть заседание от СМИ и слушателей. Потерпевший в ответ на вопрос судьи Виталия Белицкого не смог пояснить, что именно ему угрожает, но прокурор поддержала эту просьбу со словами, что раскрытие данных сотрудников ОМОН «может негативно повлиять на их профессиональную деятельность, а также сказаться на их личной жизни».

Адвокаты Кольцова Алан Гамазов и Дмитрий Алексеев выступили категорически против закрытия процесса, потому что «никакой скрытности это не принесет, люди уже слышали имена и фамилии», к тому же суд разъяснил потерпевшим право на госзащиту, которым те могут воспользоваться, а данные уголовного дела открыты. Неожиданно для присутствующих судья Белицкий принял доводы защиты и отказался закрывать заседание от слушателей и прессы.

По версии обвинения, Кольцов, «выступающий против политики Российской Федерации, придерживающийся стойких оппозиционных

взглядов, не считающий, что граждане должны нести административную ответственность за нарушение закона, имея, мягко говоря, равнодушно-равнодушное отношение к сотрудникам правоохранительных органов», 2 мая 2022 года «собрал бензиновую бомбу и пришел на площадь, где много не только полицейских, но и большое скопление простых граждан, гуляющих там людей — 2 мая, праздник». Он подошел к двум автобусам Росгвардии и метнул по бутылке с зажигательной смесью в каждый из них. А значит, попытался убить сотрудников ОМОН.

Сам Кольцов признает свою вину «частично» — он не отрицает, что бросал бутылки в автозаки, но не признает, что покушался на жизнь сотрудников ОМОН.

Все попытки адвоката Гамазова пояснить присяжным, что Кольцов не знал, что в автозаках кто-то есть, и не имел умысла кого-то убить, судья Белицкий пресекал и просил присяжных эти слова не учитывать.

По просьбе прокурора судья раз за разом повторял, что такие реплики выходят за рамки вступительного слова, где подсудимый должен просто ответить на вопрос о признании вины.

Потерпевшие. «Сидели, отдыхали, чай пили»

Сотрудники московского ОМОН «Авангард», как они сами пояснили в суде, относятся к подразделению, в обязанности которого входит «пресечение несанкционированных митингов»; на площади

Революции всегда стоит несколько автозаков, а сотрудники патрулируют местность.

Потерпевший Ракустов, который и задержал Кольцова, рассказал в суде, что 2 мая он и еще 13 коллег приехали на площадь Революции на двух автозаках. В 18:50 он был «возле своего транспорта» и услышал крик водителя Сидорова: «Нападение!». Потом раздался звон битого стекла, и один из автобусов загорелся.

По просьбе прокурора омоновец уточнил, что загорелась именно задняя часть автобуса, где находится место «для личного состава и для задержанных». Впрочем, потом выяснилось, что загорелся не сам автозак, а асфальт под ним — водитель просто сразу же сдвинул автобус вперед, и машина не пострадала.

Каждого из потерпевших спрашивали, можно ли увидеть со стороны, находится ли кто-то внутри автозака. Все они сошлись во мнении, что нельзя, так как окна затонированы, а через дверь почти ничего не видно. Старшина присяжных пытался узнать больше не только о том, видно ли людей в автозаке с улицы, но и об устройстве машины:

— Опишите внешний вид автобуса, что еще там есть, кроме тонировки на стеклах?

— Стекла отделаны решеткой.

Этот же присяжный хотел уточнить, видели ли омоновцы, что бутылки бросал именно Кольцов, но судья снял вопрос, так как один из потерпевших в

своих показаниях уже говорил, что видел Кольцова, когда тот бросал вторую бутылку.

Сложнее всего силовикам дались вопросы о количестве сотрудников, которые были внутри автозака:

— Находились ли внутри сотрудники ОМОНа?

— В момент возгорания находились сотрудники, которые только пришли с патрулирования. Сидели, отдыхали, чай пили, — утверждал Ракустов.

После нескольких уточняющих вопросов ему пришлось признать, что он видел выбегающим из автозака только одного омовца по фамилии Федяев, который никак не пострадал.

— Кто-нибудь еще из ваших коллег пострадал? — поинтересовался адвокат Алан Гамазов.

— Морально?

Под смех адвокатов и слушателей Ракустов отдельно уточнил, что к врачу никто из силовиков не обращался.

Окончательно картина случившегося стала ясна после допроса водителя Владимира Сидорова. Он, в отличие от других омовцев, стоял не спереди припаркованных рядом автозаков, а сзади — оттуда к ним и подошел Кольцов. Сидоров увидел, как мужчина достает из дипломата бутылки и поджигает их. Омовец сразу крикнул: «Нападение!» — и

бросился между автозаков к водительской двери за огнетушителем.

В этот момент первая бутылка попала в задний край одного автозака и подожгла образовавшуюся лужу бензина на асфальте. Вторая бутылка попала в бок автозака Сидорова, он достал огнетушитель, обежал машину и быстро все потушил. Трое коллег, стоявших спереди, к тому моменту тоже уже обежали автозаки и задержали Кольцова.

После выступления потерпевшего адвокат Алексеев предложил наконец точно посчитать, сколько омоновцев фактически было на месте нападения. Получилось, что перед автозаками стояли трое, позади — один Сидоров, увидевший Кольцова заранее. Внутри каждого из автозаков в этот момент было еще по одному омоновцу. Итого шесть человек, хотя Кольцова обвиняют в покушении на 12 бойцов.

Завершая первое заседание, судья Белицкий успокоил присяжных, которые, возможно, не получили ответов на все свои вопросы по сути дела. Он напомнил, что перед тем, как отпустить присяжных выносить вердикт, сам повторит для них содержание обвинения, тонкости уголовного права и позиции сторон: «Возможно, часть вопросов, на которые вы не получили ответа сейчас, будут получены после».

У подсудимого Кольцова ко всем потерпевшим омоновцам, помимо уточнения деталей, был лишь один принципиальный вопрос: слышали ли они, что он кричал, когда его задерживали. Все омоновцы ответили, что ничего не слышали.

Допрос потерпевших силовиков продолжится завтра,
11 мая.

Редактор: Егор Сковорода